

Теоретические и методические основы подлога документов

Н.В. МАРТАЕВ

Общественная опасность подлога документов состоит в том, что в результате осуществления такого рода противоправных деяний могут быть нарушены определенные отношения в сфере государственного управления, а также причинен существенный вред правам и законным интересам граждан, юридических лиц. В этой связи представляется важным остановиться на понятии объекта исследования, его сопоставлении с обманом, классификации и других научных аспектах, являющихся исходным материалом для правотворчества и правоприменения, поскольку многие вопросы в этой области до сих пор однозначно не разрешены.

Ключевые слова: подлог документов в уголовном праве, обман, материальный, интеллектуальный, документооборот.

The public danger of documents forgery consists in the breach of certain relations in the field of public administration, the substantial damage to the rights and legitimate interests of citizens and legal persons may be caused by this kind of the illegal acts. In this regard, it is important to focus on the concept of the object of research, its comparison with deception, its classification, and other scientific aspects, which are the source material for the law-making and law enforcement, as in this field of many issues have not been solved clearly yet.

Keywords: documents forgery in criminal law, deception, material, intellectual, documents circulation.

Несмотря на то, что обозначенной тематике всегда уделялось внимание в теории уголовного права, степень ее разработанности на сегодняшний день, между тем, остается недостаточной.

Подлог документа (в том числе, в сфере уголовно-правовой плоскости), как видится, представляет собой умышленное искажение достоверной информации с целью сокрытия истины путем внесения в него полностью или частично заведомо ложных сведений либо посредством сокрытия подлинной информации.

Данное понятие объединяет целый класс различных криминальных посягательств и как научная категория имеет существенное значение, в одних случаях выполняя роль ориентира, концептуального положения, в других – используется как унифицированный термин, применяемый в числе иных признаков преступного деяния.

В.С. Постников полагает, что подлог документов – это особый овеществленный (материальный) обман, воплощенный в фальшивом документе [1, с. 10].

Между тем, теоретическое осмысление позволяет сделать вывод, что по сути подлог выступает приготовлением к обману/обманыванию в целях достижения определенного результата, а его использование – покушением.

Приверженцем данного подхода является, прежде всего Н.И. Панов, отмечающий, что «составление подложных документов не может быть признано обманом в строгом смысле этого слова, так как ложные сведения от таких действий еще не становятся достоянием обманываемого, ложная информация ему не поступает, истина в его представлении не искажается» [2, с. 52].

Действительно, искажение подлинности документа либо составление изначально ложного документа нельзя признавать совершившимся или совершающимся обманом. Субъект, только фальсифицируя документ, еще не вводит никого в заблуждение. Обманом, в том числе, «овеществленным», следует считать использование подложного документа, введение его в обращение [3, с. 118].

До сих пор единственное законодательное закрепление обмана содержалось в примечании к ст.187 УК РСФСР 1922 г., согласно которому под ним понималось как сообщение ложных сведений, так и заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение о которых было обязательно.

В уголовно-правовой доктрине под обманом понимается: «искажение фактов, внушение человеку ложного о них представления, либо умолчание об истине, использование заблуждения» [4, с. 284]; «умышленное искажение истины путем сообщения заведомо ложных

сведений или путем заведомого сокрытия обстоятельств, сообщение о которых было обязательно» [5, с. 282]; современный вариант – «сообщение ложных сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для введения в заблуждение либо умолчание, сокрытие обстоятельств, имеющих указанное значение, сообщение о которых было обязательным» [6, с. 234].

Таким образом, обманная деятельность начинается с момента сознательного искажения истинной информации о прошлом либо настоящем, а также заведомо ложных обещаний о будущем поведении (событии, явлении).

«Как всякое порицаемое (асоциальное, осуждаемое, негативное) поведение, в том числе – преступное, обманная деятельность, нарушая социальные нормы и общепринятые правила поведения в обществе (правовые, морально-этические, религиозные и др.), также имеет свой состав, условно говоря, нормонарушения. По аналогии с уголовно-правовой терминологией предлагается выделить стадии обманной деятельности: приготовление к обману, покушение на обман и обман как оконченное нормонарушение». Исходя из такого подхода, начало обманного поведения лица с целью ввести в заблуждение адресата следует признавать началом выполнения объективной стороны нормонарушения. Отсутствие же последствия в виде заблуждения человека (например, адресат не поверил сообщаемой ему ложной информации) нельзя расценивать как оконченный обман, поскольку желание виновного было убедить последнего в достоверности доводимых сведений, но по не зависящим от него обстоятельствам этого ему не удалось сделать, а значит, данное деяние надо считать покушением на обман или обманыванием (попытка обмануть, предобман) [7, с. 117–118].

Отождествление понятий обмана и обманывания (покушения на обман) порождает множество споров, при этом надо понимать, что обманывание является оконченным с момента начала выполнения действий по дезинформации конкретного лица независимо от достижения поставленной цели.

Для обозначения рассматриваемого явления, помимо термина «подлог», в Уголовном кодексе используются такие слова и словосочетания, как – подделка; фальсификация; внесение заведомо ложных сведений и записей; составление заведомо ложных документов.

Наличие синонимичных терминов нередко вызывает стремление находить между ними разницу, что может завершиться искажением содержания, в связи с чем важно свести их до минимума. На сегодняшний день это совершенно равные по смыслу понятия, при чем применение законодателем различной терминологии при описании однородных составов преступлений объяснимо неким стремлением изложить уголовно-правовые нормы в наиболее выгодном ракурсе.

Не зря по Уголовному кодексу Республики Беларусь 1960 г. использование заведомо подложного документа в рамках ст. 192 было включено в ч. 3 отдельным составом преступления, поэтому и должно рассматриваться обособленно.

Соглашусь с позицией, выработанной А.В. Кузнецовым, в силу которой, использование фиктивных документов не считается подлогом и выводится за рамки данного понятия [8, с. 91]. Расширенная трактовка, включающая в себя либо изготовление подложного документа, либо его использование, либо обе формы одновременно – противоречила бы буквальному толкованию.

Обращаясь к вопросам классификации, Р.Б. Семенов в своем диссертационном исследовании обоснованно начинает с подразделения подлога официального документа на два вида:

а) контактный (переделка), т. е. внесение изменений в подлинный документ путем исправления (в том числе, уничтожения, удаления) или добавления содержащихся в нем подлинных символов;

б) бесконтактный (фабрикация), т. е. полное изготовление изначально фиктивного документа [9, с. 4].

В зависимости же от того, какой элемент документа подвергается подлогу, допустимо говорить о содержательном и формальном критериях.

Другие авторы подразделяют подлог документов, ориентируясь на законодательное определение конкретных составов преступлений, группируя их на общий и специальный виды, что базируется на основных положениях частного учения уголовного права – теории квалификации преступлений [10, с. 198–199].

Общим подлогом признается состав преступления, имеющий наиболее общие признаки данного деяния. Специальный характеризует определенный вид подлога полнее и точнее настолько, что выходит за пределы общего, выступая как самостоятельное преступное деяние.

Надо отметить, что принадлежность конкретного состава к общему или специальному виду подлога документов относительна. В частности, служебный подлог является специальным по отношению к частному подлогу, а общим – применительно к фальсификации доказательств, избирательных документов и т. п.

Составляющие предмет рассмотрения преступления также допустимо классифицировать в зависимости от характера и направленности действий виновных лиц, вычленив следующие разновидности подлога документов:

- 1) как самостоятельное преступление;
- 2) в качестве альтернативного действия иного уголовного состава;
- 3) как способ совершения другого преступного деяния.

В науке уголовного права практически все авторы признают также деление подлогов документов на материальные и интеллектуальные [11, с. 25], [12, с. 89–90], хотя в уголовном законодательстве оно прямо и не зафиксировано.

К первому из них относятся подлоги, связанные с изменением документа, исправлением содержащихся в нем записей, внесением фиктивных реквизитов, а особенность заключается в том, что при его осуществлении остаются материальные следы преступления.

Второй вид образуют подлоги документов, имеющих необходимые атрибуты, при этом составленных с соблюдением соответствующих требований и правильных по форме, но ложных по содержанию. Фальсифицированный таким образом документ с внешней стороны ничем не отличается от подлинного и каких-либо материальных признаков подделки не содержит.

Для наглядности приведу пример из судебной практики. При разбирательстве Гомельским областным судом по 1-й инстанции уголовного дела по обвинению К. в совершении преступлений, предусмотренных ч.ч. 5, 6 ст. 17 – ч. 1 ст. 192, ч. 1 ст. 213 УК Беларуси 1960 г., ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 3 80 УК 1999 г., было установлено, что он, кроме прочего, вступил в преступный сговор с неким лицом на изготовление поддельного общегражданского паспорта Республики Беларусь, для реализации чего передал последнему 1.500 долларов США и фотографии, получив через некоторое время от того взамен надлежаще оформленный и выданный паспортно-визовой службой Светлогорского ГРОВД Гомельской области при неустановленных обстоятельствах подложный документ со своей фотографией на имя У., которым пользовался на протяжении нескольких лет вплоть до задержания сотрудниками милиции. Согласно экспертному заключению, указанный бланк паспорта был изготовлен уполномоченной организацией. Карточка в нем, в отличие от заявления формы № 1, не переклеивалась. При чем выяснить, кто из сотрудников ПВС был к этому непосредственно причастен, так и не удалось. Дело в этой части выделено в отдельное производство [13]. Рассматриваемый случай является типичным для интеллектуального подлога.

На практике интеллектуальный подлог, наказуемый по ст. 380 УК, наиболее часто встречается при изготовлении официальных документов посредством похищенных или незаконно изъятых печатей, бланков, заранее проставленных подписей, а также введения в заблуждение лица, утверждающего документ. При совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 427 УК, его субъектом является должностное или иное уполномоченное лицо.

Следует констатировать, что материальный подлог в рассматриваемой плоскости может быть выражен в двух формах:

- а) в виде трансформации существующего подлинного документа путем его подчистки, травления и нанесения поверх нового текста, либо дописки, прочих исправлений и вмешательств;
- б) посредством создания документа с использованием поддельных оттисков штампов, печатей, подписей, номерного или иным образом защищенного от подделки бланка.

Материальный и интеллектуальный критерии нередко пересекаются между собой, т. е. при создании подложного документа (пакета документов) субъект использует и физические приемы подделки, и имеющиеся у него правовые либо фактические возможности. В юриди-

ческой литературе подобную разновидность некоторые авторы именуют комбинированной, интеллектуально-материальной или смешанной [14, с. 162], [15, с. 56]. Не вижу смысла в такой промежуточной разновидности, поскольку деление на материальный и интеллектуальный подлоги достаточно условно и само по себе рассматривается как один из методов научного познания, позволяя глубже понять природу исследуемого предмета, системно-структурные связи между элементами. Кроме того, это никак не связано с существенными для уголовной ответственности обстоятельствами.

Вместе с тем, первичная классификация, безусловно, важна в познавательном, учебном и криминалистическом плане, позволяя более наглядно, системно и подробно анализировать преступные посягательства, основанные на подлоге документов, а также выбирать конкретные формы для установления истинности или подложности сомнительного документа, доказывания факта противоправного деяния и определения значимых признаков.

Материальный подлог во многих случаях может быть установлен только экспертным путем, а интеллектуальный, как правило, выявляется в результате сопоставления учетных и бухгалтерских документов, регистрационных книг, проведения комплекса следственных и оперативно-розыскных мероприятий.

Хотя способ подлога и не влияет на квалификацию преступления, но является одним из элементов, характеризующих степень общественной опасности деяния, антисоциальные установки виновного в его совершении лица, а также другие обстоятельства, учитываемые судом при избрании меры уголовной репрессии.

Возможны и иные классификации подлога документов – в криминологическом или криминалистических аспектах, по родовым объектам уголовно-правовой охраны, в зависимости от формы или значения документа, канала восприятия, источника происхождения, виду носителя, юридической значимости, порядка оформления, степени подготовленности и т. д. Между тем, приведенные выше критерии ориентированы, прежде всего, на создание теоретической основы для выработки оптимальных правил и разрешения поставленных в настоящем исследовании задач.

Устанавливая криминообразующие признаки деяний, связанных с незаконным оборотом документов в новых условиях, следует обратить пристальное внимание и на то, что они зачастую становятся приготовительными действиями для облегчения совершения либо сокрытия следов более тяжких преступлений. Подлинная опасность заключается в использовании подложных документов при терроризме, бандитизме, заказных убийствах, похищении человека, торговле людьми и др.

В качестве криминологических манипуляций в чистом виде с заведомо подложными официальными документами в Уголовном кодексе рассматриваются их выдача, сбыт и использование. Наибольшие сложности в понимании кроются в использовании заведомо подложного документа, в том числе, с точки зрения юридической квалификации.

Под использованием понимаются действия субъекта по извлечению пользы, выгоды, эффекта или других полезных свойств документа путем его предъявления или предоставления. Например, лицо предъявляет в нотариальной конторе поддельное удостоверение участника ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС для освобождения от уплаты государственной пошлины либо подает в учреждение, где оно работает, поддельную справку о службе в составе ограниченного военного контингента в Республике Афганистан для получения льгот при взятии подоходного налога с граждан.

При предъявлении подложного документа виновный знакомит с его содержанием другое лицо, но документ остается у него во владении, а при предоставлении – таковой переходит в ведение соответствующего органа или лица и остается у них на хранении.

В силу сложившейся в стране на протяжении многих лет доктрины, к использованию заведомо подложного документа также приравнивается умышленное предъявление подлинного документа, выданного другому лицу, например, чужого водительского удостоверения [16, с. 984–985].

По этому же пути идет и судебная практика.

Так, приговором суда Гомельского района от 8 апреля 2014 г. гражданка Республики Молдова М. осуждена по ч. 1 ст. 380 УК, будучи признанной виновной в том, что в региональном пункте пропуска «Новая Гута» умышленно, с целью выдать себя за иное лицо для беспрепятственного прохождения паспортного контроля и въезда на территорию Республики Беларусь, предъявила сотрудникам органов пограничной службы паспорт, принадлежащий ее сестре, и данные действия были расценены как использование заведомо подложного документа [17].

Позволю с этим не согласиться, поскольку подложный документ ни при каких обстоятельствах не может считаться подлинным, а подлинный не становится подложным даже в случае незаконного обращения с ним. Чужой документ обладает всеми признаками истинного. При его обманном использовании по существу имеет место подлог личности физического лица, но не документа.

Такой же позиции придерживаются И.Г. Гричанин и Ю.В. Щиголев [18, с. 38].

Российский исследователь О.Н. Лобанок более категоричен, не усматривая признаков состава преступления для привлечения к уголовной ответственности за использование заведомо подложного документа во всех случаях обманного использования подлинного документа, в том числе – когда один документ выдается за другой; используется предмет, внешне похожий на документ, но в действительности таковым не являющийся [19, с. 68–69].

Полагаю, что проблема может быть разрешена на законодательном уровне, ориентируясь либо на введение факультативного признака «сопряженности с обманным использованием документов» при совершении отдельных категорий преступлений (хорошим примером чему является ст. 228 УК Республики Беларусь, предусматривающая ответственность за контрабанду – перемещение в крупном размере через таможенную границу товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных к этому, в том числе сопряженное с обманным использованием документов), либо на расширение диспозиции ст. 380 УК, закрепив в ней возможность уголовного преследования за намеренное использование не только подложного, но и чужого документа.

Следует констатировать, что в юриспруденции теоретические представления могут существовать вне зависимости от закрепленных нормами права законодательных конструкций, однако научные взгляды служат основой для дальнейшего совершенствования действующего законодательства, поэтому и требуют к себе внимания, в том числе, по данному вопросу, поскольку преступные посягательства на официальный документооборот нарушают нормальную деятельность органов власти и управления, а также подрывают их авторитет в глазах населения.

Литература

1. Постников, В.С. Уголовная ответственность за подделку, изготовление, сбыт и использование подложных документов, штампов, печатей, бланков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.С. Постников ; ВЮЗИ МВД СССР. – Москва, 1990. – 25 с.
2. Панов, Н.И. Квалификация преступлений, совершенных путем обмана : уч. пособие / Н.И. Панов. – Харьков : Харьк. юр. ин-т, 1980. – 88 с.
3. Щиголев, Ю.В. Понятие и основные элементы подлога документов / Ю.В. Щиголев // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 116–123.
4. Уголовное право. Часть особенная : учебник / В.А. Владимиров [и др.] ; под ред. Н.И. Загородникова, В.Ф. Кириченко. – Москва : Юридическая литература, 1968. – 582 с.
5. Уголовное право. Часть особенная : учебник / П.И. Гришаев [и др.] ; под ред. Б.В. Здравомыслова [и др.]. – Москва : Юридическая литература, 1966. – 559 с.
6. Уголовное право Республики Беларусь. Часть особенная : учеб. пособие / А.И. Лукашов [и др.] ; под общ. ред. А.И. Лукашова. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 960 с.
7. Семенов, Р.Б. Уголовно-правовая оценка подлога документов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.Б. Семенов ; Моск. гос. юр. акад. – Москва, 2005. – 186 с.
8. Кузнецов, А.В. Ответственность за подлог документов по уголовному праву / А.В. Кузнецов. – Москва : Госюриздат, 1959. – 111 с.
9. Семенов, Р.Б. Уголовно-правовая оценка подлога документов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.Б. Семенов ; Моск. гос. юр. акад. – Москва, 2006. – 26 с.

10. Щиголев, Ю.В. Виды подлога документов: уголовно-правовой аспект / Ю.В. Щиголев // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 198–207.
11. Гаджиев, Н. Выявление и профилактика подлогов / Н. Гаджиев // Законность. – 1995. – № 1. – С. 25–27.
12. Жижиленко, А.А. Должностные (служебные) преступления. Глава III Уголовного кодекса : практический комментарий / А.А. Жижиленко. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Право и жизнь, 1927. – 100 с.
13. Архив Гомельского областного суда за 2002 г. – Уголовное дело № 2-72.
14. Гамолин, И.Д. Материальный и интеллектуальный подлог документов по делам о хищениях государственного и общественного имущества / И.Д. Гамолин // Актуальные вопросы теории и практики охраны правопорядка и борьбы с преступностью : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Темиртау, 1 марта 1974 г. – Караганда : НИИиРИО Караганд. ВШ МВД СССР. – 1976. – Вып. 4. – С. 153–162.
15. Пинхасов, Б.И. Защита документов по советскому уголовному праву / Б.И. Пинхасов. – Ташкент : Узбекистан, 1976. – 198 с.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.
17. Архив суда Гомельского района и области за 2014 г. – Уголовное дело № 14034090121.
18. Гричанин, И.Г., Щиголев, Ю.В. Квалификация подделки и использования подложных документов / И.Г. Гричанин, Ю.В. Щиголев // Российская юстиция. – 1997. – № 11. – С. 37–38.
19. Лобанок, О.Н. Официальный документ как предмет преступления и другие вопросы уголовной ответственности за преступления в сфере документооборота / О.Н. Лобанок // Мир юридической науки. – 2010. – № 2. – С. 66–69.

Гомельский областной суд

Поступила в редакцию 15.04.2015